Л. Я. Мещерякова

Тверь

**ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ПРЕПОДОБНИЧЕСКИХ
АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ТВЕРСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XVIII в. (на материале «Жития
преподобного Нила Столобенского»)**

Курс «Древнерусская литература» входит в состав гуманитарного цикла дисциплин специализации 031229 «Основы православной культуры в начальной школе» учебного плана для студентов-теологов педагогического факультета Тверского государственного университета. Дисциплины специализации изучаются студентами-теологами с первого курса параллельно с дисциплинами основной специальности 050708 «Педагогика и методика начального образования» (квалификация — «Учитель начальных классов»). По окончании университета выпускники получают возможность работать не только по основной специальности, но и преподавать предмет «Основы православной культуры». Поэтому существует необходимость актуализировать знания студентов-теологов относительно сохранения традиций средневековой литературы не только в рамках литературного процесса XI—XVII вв., но и на последующих этапах развития литературы Нового времени.

Отметим, что разработанный нами для студентов-теологов курс «Древнерусская литература» соответствует стандартной программе вузов. В то же время в нем рассматриваются и те концепции, которые связывают развитие древнерусской литературы с религиозной традицией, с изменением мировоззрения древнерусского «писателя» и «читателя». В качестве примера можно привести теорию литературных формаций, разработанную А.Н. Ужанковым¹. При этом под литературной формацией понимается определенная художественная система, сложившаяся в рамках господствующего в определенный исторический период сознания — теоцентрического, антропоцентрического и эгоцентрического².

---

¹ См. об этом: *Ужанков А.Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII в. Теория литературных формаций // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2007. №2 (28). С. 66—80.

² *Ужанков А.Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII в. С. 75.

Согласно данной теории, в истории русского средневекового мировоззрения отчетливо выделяются три этапа развития сознания: теоцентрический, антропоцентрический, эгоцентрический. Сознание древнерусских писателей, как и других представителей определенных исторических периодов, моделировалось в соответствии с действующей моделью.

Эпоха теоцентрического сознания охватывает период с XI до конца XV в. В начале этого этапа (XI — первая половина XIV века) творчество осмысливается как Божественный акт. В процессе написания осуществляется синергетическая связь человека и Бога. Словесное творение не признается актом волевого усилия писателя и поэтому может свободно переписываться и изменяться. В период со второй половины XIV в. по 90-е годы XV века появляется объективно-идеалистическое мышление. Творчество — синергия, но уже осознанная писателем. Творчество — акт общения с Богом. Писательское творчество — акт сотворчества с Богом (блестящее теоретическое обоснование эта идея получает у исихастов). Итак, основная задача автора в теоцентрическую эпоху — следование соборному сознанию, отражение Истины, записанной в Священном Писании.

Эпоха антропоцентризма охватывает период с конца XV в. по 40-е годы XVII в. Это проявление рассудочного начала в писательском творчестве. Постигание мира может осуществляться не только духовно, но и с помощью естественного разума. Строго говоря, происходит зарождение авторского начала. Наиболее ярко это явление отражено в публицистике XVI в. и в исторических повестях Смутного времени. Священное Писание все еще остается основой творчества, однако автор выражает личное понимание Истины, по-своему трактует то или иное событие. Происходит осознание личной ответственности перед Богом за написанное. Особое внимание уделяется внутреннему миру человека. Мысли человека отражают состояние *его души* (конец XV-начало XVII вв.).

Третья литературная формация соответствует секуляризации сознания, в этот период (40-е годы XVII в. — 30-е годы XVIII в.) происходит формирование эгоцентризма. Сам литературный труд воспринимается как личное дело писателя. Происходит замена средневекового метода творчества новым методом познания и изображения действительности. Формируется «художественный метод» в привычном для нас понимании. Появляются новые категории, которые были неизвестны в творческом пространстве средневековья (художественный вымысел, обобщение), известные ранее категории (например, типизация) начинают пониматься иначе. Появляется собственно художественная литература. Талант осмысливается как Божественный дар.

Таким образом, рассмотрение теории литературных формаций позволяет адекватно рассматривать развитие древнерусской литературы в кон-

тексте традиции. Нам кажется, что немало интересного можно обнаружить при попытке рассмотреть *агиографический текст* в контексте традиции (напомним, что традиционно агиографический текст входил в круг чтения взрослых и детей).

Отметим, что одной из важных задач современной медиевистики является изучение литературных памятников в аспекте комплексного подхода, который предполагает как всестороннее рассмотрение отдельного памятника, так и включение его в контекст всей «жанровой ассоциации»³. Жанровая ассоциация, естественно, не является оторванной от книжной культуры, а является ее органической частью, занимает свое логичное место в разнообразной системе книжных памятников XI—XVII вв.

Агиографическая литература интересна в нескольких аспектах. Есть области медиевистики, для которых агиографический текст представляет большой интерес именно вследствие своей недостаточной изученности. Мы вполне согласны с мнением О. В. Творогова, который считал, «что этот жанр, имевший огромное значение для формирования христианского мировоззрения... в то же время оказывается наименее изученным текстологически (речь идет только о русских житиях)»⁴. Как видим, исследователь указывает на тот факт, что для полноценного понимания агиографического текста необходимо воссоздать историю текста жития. Мы уже отмечали, что агиографический текст интересен именно в контексте традиции. Здесь возникает целый ряд вопросов. С одной стороны, агиографическая литература достаточно хорошо изучена. Однако именно это мешает подчас смотреть на данную жанровую ассоциацию «свободно», рассматривать традиционализм средневековой книжной культуры как неотъемлемую часть поэтики, а в следовании художественному канону видеть одно из условий развития, а не «торможения» жанра агиографии⁵. Нам представляется актуальным рассмотрение агиографического текста именно с этих позиций, поскольку только адекватное представление о процессе художественного творчества в средневековой книжности может дать возможность оптимального понимания текста того или иного памятника. В полной мере все сказанное относится, прежде всего, к житийной литературе.

---

³ Определение Д. С. Лихачева.

⁴Русская агиография: исследования, публикации, полемика / Сб. науч. работ Ин-та русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2005. С. 3.

⁵ См. об этом: *Левшун Л.В.* Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2006. №4 (26). С. 101—116.

В курсе «Древнерусская литература» мы традиционно знакомим студентов-теологов и с тверской житийной литературой, которая интересна многообразием представленных в ней типов житий. В их числе житие князя-мученика (житие Михаила Ярославича Тверского), преподобнические жития (жития Ефрема Новоторжского, Макария Калязинского, Нила Столбенского), святительское житие (житие архиепископа Арсения), жития святых жен (житие Анны Кашинской). Следовательно, определенный интерес представляет уже то, как передается традиция в каждом из перечисленных типов.

Напомним, что Церковным Уставом предписывалось три типа назидательных чтений: 1) агиографические повествования, 2) толкования и оглашения, 3) похвальные слова святым и праздникам. Соответственно возникли и три типа жанровых ассоциаций: агиография, экзегезис, панегирика. Агиографическая жанровая ассоциация была призвана назидать «верующих на поучительных примерах жизни подвижников и святых, определенным образом показанных исторических лиц и событий...»⁶. Цель агиографической литературы — научение благочестивым переживаниям, утверждение в подсознании «модели» христианского поведения, а если говорить шире — демонстрация пути соединения с Богом. Причем интересным является как вопрос об авторе того или иного агиографического текста в аспекте следования традиции, соответствия канону, так и о «читателе» произведения, изменении характера его мировоззрения, способности воспринимать текст определенного характера. По верному замечанию Л.В. Левшун, именно агиография (в отличие от экзегезиса и панегирики) «обладала наибольшим потенциалом «приспосабливаемости» к характеру субъекта восприятия ...не должна была касаться догматики и сложных вопросов вероучения, а потому была *более свободна и разнообразна в изобразительных средствах*»⁷. Последнее замечание исследователя интересно в аспекте рассмотрения пространства поэтики житийного текста, осмысления его художественной природы (естественно, в контексте средневековой традиции). Центром внимания при этом становится рассмотрение топоса⁸.

---

⁶ Левшун Л.В. Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон. С. 115.

⁷ Левшун Л.В. Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон. С. 116.

⁸ Вслед за большинством исследователей мы понимаем термин *топос* в «широком» смысле: топосом может быть «любой повторяющийся элемент текста от отдельной устойчивой формулы до мотива, сюжета или идеи» (Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: исследования, публикации, полемика. С. 59—60).

Само понятие топоса является в древнерусской литературе одним из наиболее тонких и сложных вопросов, однако «открытия в этой области могут стать во многом переломными в нашем представлении о художественности древнерусской литературы»⁹.

Неоценимую помощь при рассмотрении того или иного типа жития в контексте традиции оказывает материал, рассматривающий схемы их литературных топосов¹⁰ — мотивов, образов, устойчивых формул, библейских и святоотеческих цитат и т.д. Наиболее разработанными в настоящий момент с этой точки зрения являются преподобнические жития. Проанализировав значительный корпус древнерусских иноческих житий XI–XVII веков, Т.Р. Руди выделяет (по отношению к житиям преподобных) особый вариант агиографической схемы (имеется в виду схема основной части), состоящий из 26 топосов¹¹. Конечно, как отмечает исследовательница, далеко не все они обязательно присутствуют в том или ином конкретном житии преподобного. Однако, по нашему мнению, наличие указанных топосов в схеме жития позволяет решить вопрос о том, насколько конкретное житие отражает представление об «идеальном» в сознании древнерусского «автора» и «читателя». Степень адекватности отражения «образа» (аспект *imitatio*) в какой-то мере зависит от полноты реализации идеальной схемы. Интересен, безусловно, и сам момент отхода от традиции в трактовке «образа» святого.

Итак, попытаемся рассмотреть на примере отдельного типа преподобнических житий, как реализуется топика «идеальной» схемы монашеского жития. В качестве текстового материала нами будет использовано факсимильное издание рукописи «Житие Нила Столобенского», предпринятое В.З. Исаковым в 2002 году¹².

Указанный текст рукописи является одним из наиболее полных рукописных сборников, посвященных Нилу Столобенскому. Это рукопись XVIII века, представляющая собой монастырскую редакцию «Жития», созданную в Ниловой пустыни. Согласно В.З. Исакову, автором этой ре-

---

⁹ *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — сер. XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 33.

¹⁰ См. об этом: *Руди Т. Р.* Топика русских житий (вопросы типологии). С. 59.

¹¹ *Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2005. Т. 57. С. 497—500.

¹² Житие Нила Столобенского: рукописный список Государственного архива Тверской области. Тверь, 2004. (К 450-летию преставления преподобного). Вступительная статья, перевод и примечания В. З. Исакова. Археографическое описание рукописи Г. С. Гадаловой. Публикуется по списку: ГАТО. Ф.1409. Оп. 1. № 178. Лл. 25—83 об. Дальнейшее цитирование приводится по этому источнику с указанием листов.

дакции предположительно является настоятель Ниловой пустыни Нектарий Теляшин¹³. Собственно Житие занимает в тексте рукописи лл. 25—56 об. Именно по причине того, что текст рукописи является «поздним» по своему происхождению, он представляет интерес, во-первых, с точки зрения сохранения в нем традиций «канонического» жития преподобных, во-вторых, с точки зрения наличия в нем элементов отхождения от указанной традиции.

Начало жития вполне соответствует традиционным средневековым канонам. Сообщаются сведения о рождении и воспитании святого. При этом мы видим отсутствие *мотива божественных знамений до рождения святого и/или в раннем младенчестве, свидетельствующих о его избранности и посвященности Богу*. При описании рождения и детства святого используются лишь традиционные формулы «рождения от благочестивых родителей», «отвержения детских игр», любви к Богу с раннего детства: «Таже отъ пелень отърешившуся и къ возрасту приспѣвающу, и воспитався отъ родителей своихъ в добромъ наказании, и въ научении Святыихъ книгъ, и возрастая тѣломъ исполняяся благодати святаго духа, и не преобщаяся ко играмъ дѣтскимъ, и ко всѣмъ пустошнымъ вѣка сего, и отъ всѣхъ удаляясь, и вмѣсто игранія бысть велие тщание къ Божии церкви <...>» (лл. 26 — 26 об.).

Далее по ходу развития житийного повествования мы наблюдаем наличие следующих житийных топосов:

- Подвижник покидает родительский дом, оставив все свое имущество («<...> и возгорѣся духомъ еже поити въ путь своего спасения, и одѣтися во святой аггельский образъ и бытии монахъ, и остави вся в дому своемъ сродники и друзи, и ничтоже взять на путь свой, но точию душу и тѣло, и худую одежду <...>» (л. 27);

- Игумен постригает будущего святого, облакает его «во святой аггельский образъ» (лл. 28-28 об.);

- Святой в монастыре является образцом для братии, монахи обители, видя его усердие и смирение, воспринимают его скорее как ангела, а не как человека («<...> видѣвъ же игумень и братия тоя обители въ токовомъ устремлении, и толикое время пребывающу рекоша въ себѣ: что убо хочеть быти сему новонаначальному монаху Нилу, яко тако видѣмъ его подвижающесе, и ничтоже намъ вопреки глаголя: но со всякимъ тщаниемъ и смирениемъ работает Богу, и святѣй обители нашей <...>» (лл. 28 об.-29).

- О добродетельной жизни святого повсюду разносится слава, не желая терпеть которую святой уходит в пустыню; в житии преподобного Ни-

¹³ *Исаков В. З.* Рукописные сборники Жития Нила Столобенского // Житие Нила Столобенского: рукописный список Государственного архива Тверской области. С. 8.

ла это происходит дважды: когда он покидает псковский монастырь и когда уходит из своей обители на реке Серемхе (в Ржевском уезде). Вполне традиционным в этом контексте является употребление различных библейских цитат, связанных с удалением в пустыню: «Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыню сию, чаяхъ Бога спасающего мя» (лл. 31—31 об.) (цитата из Псалтири, посредством которой проводится аналогия между преподобным Нилом и Давидом, искавшим встречи с Богом через уединение).

- Святой подвергается нападкам и искушениям бесов, борясь с которыми он произносит традиционную «запрещальную» молитву. Этому топосу уделяется особое внимание на протяжении всего текста, поскольку в житии Нила наиболее важным, с точки зрения автора, является период его жизни в отшельничестве. Искушения предстают как в виде всевозможных бесов, так и в образе людей — разбойников, не раз нападавших на Нила, древосечцев, позавидовавших Нилу и стремящихся населить пустынное место. Кульминационным моментом данного топоса выступает эпизод, когда преподобному Нилу является сам сатана, к которому Нил обращается со следующими словами: «<...> проклять ты буди диаволѣ, и вся дѣла твоя нечистѣ. Слава же и поклонение Единому Нашему Владыцѣ истинному Богу, творящему тя попрагна быти ногами любящими Его. Ныне убо увѣждь, окаянный, и бестудне псе: яко мы тебе не боимся и привидѣний твоихъ не страшимся» (л. 41).

Отдельно можно говорить о реализации топосов, свойственных житиям основателей монастырей. Рассмотрим, какие из них нашли отражение в житии преподобного Нила. В первую очередь, это мотив гласа, указавшего Нилу место, куда он должен вселиться: «<...> И нѣкогда стоящу святому на молитвѣ и воздремавъ мало, и слышитъ гласъ глаголющъ к нему: «Ниле изыде отсюду, и поиде ко граду Осташкову, на великое озеро Селигеръ, на островъ Столобное, въ немъ же возможеша спастися» <...>» (л. 36).

По понятным причинам, в силу специфики подвига преподобного Нила, в тексте жития отсутствуют мотивы: «собрание братии и монастырское строительство», «отеческая любовь игумена к братии», предсмертного наставления святого братии. В то же время в описании преставления святого присутствует элемент предвидения своей кончины святым (эпизод предсмертной встречи Нила с игуменом Сергием из Николаевского монастыря на Рожку).

Итак, проанализировав текст жития преподобного Нила Столобенского в аспекте его соотнесенности с «идеальным» типом преподобнического жития, мы пришли к следующему выводу: автор жития в целом стремится к сохранению традиций создания житий указанного типа. Вместе с тем мы обнаружили ряд черт, говорящих о «влиянии времени» (проанализирован-

ный нами список относится, как мы уже отмечали, к XVIII веку) на композиционную организацию текста. В частности, после очередного нападения разбойников преподобный открыл им глаза на сущность их дел. Разбойники обещали исполнить все так, как святой заповедовал им: «<...>Они же в то время умолчаша, по преставлении же преподобнаго, многим ясно исповѣдаша» (л. 45 об.). Как мы видим, о преставлении преподобного упоминается задолго до самого события, что не является типичным приемом в композиционной организации житийных текстов.

В эпизоде о древосечцах и угашении огня молитвою преподобного присутствует довольно пространное авторское отступление о роли святых в развитии христианских традиций на *Российской земле*: «<...> Въ Российской же земли, наипаче просияла благочестивая христианская вѣра, и процвѣтши в себѣ святыхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ Российскихъ чудотворцевъ, иже своимъ житием и чудесы просияша аки звѣзды небесныя, по различнымъ градомъ и по многимъ святымъ мѣстомъ <...>» (л. 43 об.). Подобные авторские отступления не являются традиционными для житий в целом.

Таким образом, рассмотрев текст жития «Нила Столобенского» в аспекте представленности в нем традиционных топосов, мы приходим к выводу, что даже «поздние» по времени своего создания житийные тексты (XVIII века) дают нам примеры сохранения «канона» в структуре жития. Можно предположить, что столь четкое следование житийному канону является вполне осознанным желанием автора житийного текста (напомним, что автор — настоятель Ниловой Пустыни Нектарий Теляшин) воспроизвести образ святого в полном соответствии с традицией. Однако даже в традиционном тексте мы можем обнаружить следы эпохи.